

Сайт журнала: https://agrarianhistory.com/O_zhurnale

ПРОМЫСЛОВАЯ КАРТА КАК ИНСТРУМЕНТ РАВНОВЕСИЯ: ОХОТНИКИ-ОЛЕНЕВОДЫ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ АРКТИКИ В КОНЦЕ 1930-Х ГОДОВ

Дьяченко Владимир Иванович¹

¹Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, E-mail: vid@kunstkamera.ru

Аннотация

В статье анализируется "Промыслово-биологическая карта Лено-Хатангского края", которую биолог А.А. Романов составил в 1939 году. Для предвоенных лет этот документ - не просто зоологический чертеж, а прямое свидетельство того, как ломался и приспосабливался к новой власти уклад заполярных охотников и оленеводов. Сделана попытка показать, как менялось отношение Москвы к Северу: из "безмолвной и ледяной пустыни" Арктика превращалась в ресурсный актив. Наука здесь шла в рамках жестких практических задач. Биологические наблюдения за песцом или лисицей Романов сумел перевести на язык экономики - сколько пушнины можно взять для получения валюты и снабжения полярных станций. Карта наглядно размечала границы будущих промысловых артелей и новых факторий, узаконивая присутствие государства в тундре. По сути, перед нами визуальный план мобилизационной экономики предвоенного времени, нацеленный на то, чтобы северные окраины снизили зависимость от поставок завозных дефицитных товаров (муки, чая, пороха) с "материка". На примере этого документа хорошо видна сталинская стратегия "освоения через эксплуатацию", определившая судьбу советского Заполярья.

Ключевые слова: история, север, колонизация, экономика, картография, наука.

I. ВВЕДЕНИЕ

Понять, как именно обживалась и осваивалась советская Арктика, - задача для современной аграрной истории далеко не праздная. Сегодня, когда интерес к Северу снова растет, нам приходится всматриваться в опыт 1930-х годов. Именно тогда академическая наука, от биологии до картографии, впервые взяла на себя роль государственного руководителя. Через систему жесткого госзаказа и плановых денег институты изменяли вековые промысловые традиции кочевников и встраивали их в масштабные социальные эксперименты.

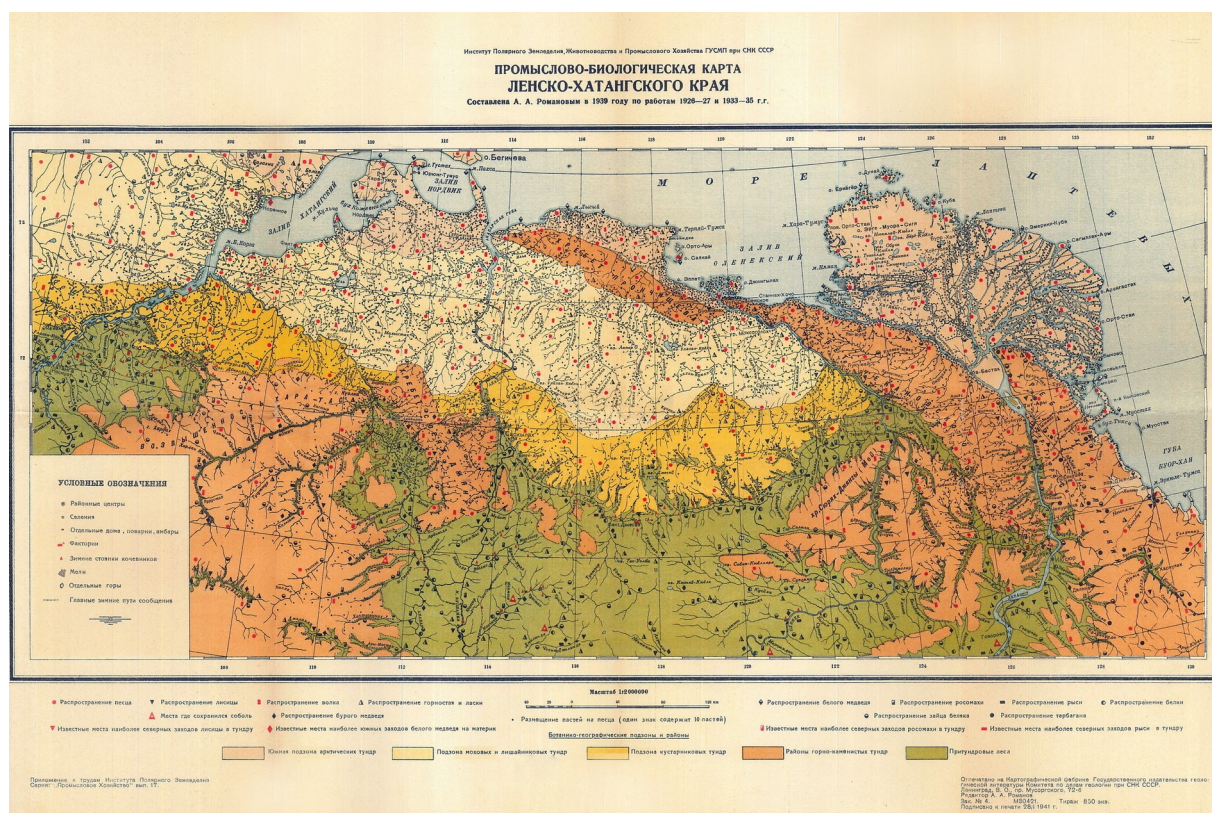
Статья опирается на междисциплинарный подход, в котором соединяется исторический контекст с картографическим анализом. Основная задача – проследить, как менялось само восприятие северных пространств от представлений о «безмолвной земле» до осознания ее стратегическим резервом страны. При таком взгляде карта Романова перестает быть просто бумажным документом.

Это реальный инструмент административного контроля и власти. В центре исследования стоит ученый Александр Андреевич Романов (1902–1942). Его экспедиции в междуречье Лены и Хатанги фактически заново открыли знания о территории обитания арктических кочевников региона и пушного промысла Крайнего Севера.

Все началось в 1926–1927 годах. Будучи еще студентом, в составе Якутской экспедиции АН СССР Романов прошел пешком, на оленях и лодках колоссальный маршрут в 3000 километров – от низовий Лены до Восточного Таймыра. Он не просто наносил на планшеты реки и сопки, а фиксировал, где и как живут люди. Его уникальные полевые заметки, вобравшие в себя живой опыт тунгусов, долган, северных якутов и затундринских крестьян, позволяют нам сегодня увидеть уклад региона в тот самый момент, когда коллективизация обострила споры о том, к какому этносу себя причислить.

Позже, в 1933–1935 годах, Романов вернулся сюда уже по заданию Полярного управления Главсевморпути. Его отряд прошёл более 6000 километров по тундре и лесотундре, охватив территории 15 национальных советов в Булуновском, Анабарском и Хатангском районах. Итогом этих изнурительных поездок стала большая монография «Пушные звери Лено-Хатангского края и их промысел» с уникальной цветной картой (рис. 1). Этот колоссальный труд детально показывает, как ломались и приспособлялись традиционные хозяйства к советским экономическим реалиям.

В 1937 году, проработав пять лет биологом во Всесоюзном арктическом институте, Романов переходит в Институт полярного земледелия и промыслового хозяйства. Накопленный в поле багаж знаний позволил ему взглянуть на природу Севера утилитарно – как на базу для практического освоения. Ученый пытался понять, как сделать полярные станции автономными.

Сам институт в те годы работал на государственную стратегию: специалисты и исследователи решали проблему адаптации овощей (картофеля, капусты, редиса) и скотоводства к условиям вечной мерзлоты и короткого лета.

Ученые выводили скороспелые сорта, развивали клеточное звероводство и продолжали традиции разведения молочного скота в Заполярье, как это делали якуты Верхоянского района. Именно эти наработки дали свежие продукты Игарке, Диксону и Тикси.

Для Романова этот этап стал мостиком от биологии, геологии и картографии к строительству аграрной инфраструктуры на мерзлоте, хотя сам этот переход был скорее интуитивным, чем спланированным.

Жизнь исследователя оборвалась трагически рано, в блокадном Ленинграде. Однако оставленное им наследие очень значимо. Полевые дневники, карты и монографии Романова сегодня служат важнейшим источником. Они позволяют в деталях рассмотреть, как арктические окраины, конечно, «через себя» встраивались в народно-хозяйственный комплекс СССР, и как это отразилось на традиционном образе жизни коренного населения огромной арктической территории.

II. ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Карта А. А. Романова в контексте аграрной истории.

Выпущенная в 1941 году «Промыслово-биологическая карта Лено-Хатангского края» – документ для Севера уникальный. Она давно переросла рамки обычного зоологического или географического чертежа. Перед нами, если вдуматься, настоящий экономический атлас, зафиксировавший коренную ломку всей заполярной жизни. Архивные фонды и полевые дневники автора [1, 6] позволяют детально восстановить ту картину. Материалы его монографий, подкрепленные картографическими схемами, наглядно показывают быт коренных народов в самый переломный момент истории края. Визуальный анализ оригинального листа карты позволяет наглядно оценить масштаб проделанной Романовым работы. Лист построен по строгому ландшафтно-геоботаническому принципу. Цветовое районирование четко разделяет территорию междуречья Лены и Хатанги. Северная прибрежная полоса арктических тундр, окрашенная в холодные серо-голубые тона, маркировала зоны сезонной охоты на песца и приморские рыболовные участки.

Центральные массивы мохово-лишайниковых и кустарниковых пространств, выделенные теплыми желтыми и охристыми оттенками, наглядно демонстрируют ареалы выпаса оленьих стад и направления кочевых путей. Южная кромка, уходящая в зелено-коричневые тона лесотундры и редколесий, обозначала зимние убежища оленеводов, богатые топливом. Примечательно, что вся сетка гидрографии – бассейны рек Анабар, Оленек, Хатанга и нижнее течение Лены – прорисована с особой тщательностью. Это подчеркивает их статус как главных транспортных коридоров и узлов полуоседлого рыболовства. Подробная текстовая легенда в нижней части содержит указания по плотности залегания пастей-ловушек и емкости пастбищ, превращая научный чертеж в руководство по экономической эксплуатации заполярных окраин.

В основе привычного расселения тундровиков лежали зимние стоянки. Романов отметил их на карте особыми значками. Эти маркеры четко показывают, как двигались оленеводы, привязывая свои маршруты к ягельным пастбищам. Именно это издавна составляло основу местной жизни.

Но на вековую сетку путей уже накладывалась новая советская реальность: фактории. Они становились опорными базами плановой экономики и проводниками новой власти. Сюда, в обмен на пушнину, рыбу и мясо, везли промышленные товары – ружья, ткани, муку и сахар. Так кочевников исподволь втягивали в товарно-денежные отношения. Ломался прежний родовой быт, оседание на местах сопровождалось строительством поселков, открытием первых школ и больниц. Даже новые названия на карте говорили об этом. Появившиеся значки отдельных домов, поварен и амбаров прямо указывали: охота и рыболовство переходят на стационарные рельсы. Материалы поземельно-экономических обследований тех лет детально фиксировали этот переход, закладывая основу для организации колхозов [1].

На этой карте северное хозяйство выглядит как детальная схема «урожайности». Только вместо зерна здесь – пушнина. Государство смотрело на добычу песка, лисицы и соболя как на источник чистой валюты. На чертеже подробно нанесены места установки пастей, где один значок заменял десяток деревянных ловушек. С оленеводством ситуация была тоньше: Романов привязал его к типам тундровой растительности. Разделение на арктическую, мохово-лишайниковую и кустарниковую зоны позволяло с научной точностью оценить кормовую базу. Лишайники служили основой зимних пастбищ, ивняки – летних. При этом главные зимние тракты сообщения топографически совпадали с путями кочевий, лишний раз доказывая, что без оленя никакая логистика на Севере была немыслима.

С точки зрения аграрной истории, этот картографический проект Романова зафиксировал смену эпох: переход от стихийного природопользования к тотальному учету ресурсов. В Заполярье планировали не пашни, а биологический потенциал тундры. Такая систематизация была жизненно необходима для создания первых колхозов. Если расширить привычные рамки «сельского хозяйства» и включить туда северные промысловые системы, перед нами откроется уникальная модель выживания человека в Арктике, ломающая привычный «земледельческий центризм» историков.

Человек и олень в климате Арктики: опыт выживания (архивный фрагмент).

Взаимодействие человека и домашнего животного в условиях критических температур превращалось в непрерывный процесс борьбы за сохранение жизни. О том, как протекало это противостояние на пределе физических возможностей, свидетельствуют полевые записи А.А. Романова:

«Тундра застыла под ледяной стужей морозного воздуха. Мороз -45...-50. При небольшом ветерке в дороге как огнем опаляет лицо. Холод постепенно заполняет меховую одежду и обувь. Отдача тепла большая, и к концу дневного переезда организм уже не в силах перебороть холод – коченеют руки и ноги.

Пылит по отшлифованному ветром крепкому снежному покрову поземка. Нет ни одного живого существа, тундра безжизненна. Двигается лишь группа людей, закутанных в меха. Мерно бегут олени. У их ноздрей замерзает лед. Трудно дышать. Несмотря на мороз, пасть у оленей разинута, они дышат горлом. Мороз утомляет их быстро. Пора останавливаться на ночь.

Утро. Темнота та же, не видно еще полосы зари. В полутьме ловятся олени, увязываются нарты, свертывается ураса (чум. – В. Д.). Опять тундра, леденящий мороз и затерявшаяся группа людей. Тянется за поездом густая полоса пара; нарты то скрываются в ней, то вырисовываются темными пятнами. Олени уже с трудом тянут нарты. Люди часто сходят и идут пешком, чтобы согреться. Заиндевели шапки, видны только глаза. Ресницы смерзаются в одно мгновение, обледевели шарфы. Что это? Старые копанцы оленей. Вот уже видны новые. Значит, близко стойбище. На горизонте рисуется силуэт оленя. Затем темные «костры» дров-плавника, а вот и чумы. Копанцы занимают иногда площадь радиусом до 10 км. По ним находят стойбище, которое можно проехать мимо в темную пору и в пургу» [6, № 12, лл. 821–823].

Этот архивный документ из фонда Романова – яркое свидетельство предельного физического и психологического напряжения. Мороз в 45–50 градусов здесь перестает быть просто цифрой, превращаясь в осязаемую силу, которая пробивает сквозь слои меховой одежды. Климат в этом описании выступает как активный фактор, который жестко диктует ритм движения и заставляет организм работать на пределе возможностей.

Сходство в описании каюров и оленей подчеркивает их неразрывную связь. Животные показаны как органическая часть ландшафта, чьи адаптивные ресурсы тоже имеют предел. Обледевание ноздрей, гортанное дыхание и быстрая утомляемость под нагрузкой – все эти детали подчеркивают суровость стихии.

Логика источника наглядно показывает, как человек упорядочивал и обживал это арктическое пространство. Поиск стойбища по «копанцам» (кормовым лункам оленей) в конце перехода – отличный пример того, как экстремальная среда маркировалась кочевниками, превращаясь из опасного заснеженного хаоса в понятный путь к дому.

Климат формировал уникальную культуру адаптации, где умение читать едва заметные следы в полярной ночи становилось вопросом выживания и заставляло уважать стойкость человека.

Коренные народы Хатанго-Анабарского края: этничность и жизненный уклад.

Путевые заметки Романова периода 1933–1935 годов дают нам ценнейший этнографический срез. Автор фиксирует не только внешние различия, но и ментальные особенности, определявшие уклад локальных групп. Примечателен резкий контраст в социальных привычках. Описывая попигайских тунгусов, исследователь подчеркивает их открытость и удивительное гостеприимство:

«Тунгус беспечен, нерасчетлив, на завтрашний день смотрит легко. Гостеприимство исключительное. Невзирая на то, что к нему заезжает какой-нибудь человек, которого он, может быть, ненавидит, он его накормит, напоит, отведет в лучшее место для отдыха. Характер попигайских тунгусов веселый. Смех слышится очень часто. В разговорах самое деятельное участие принимают женщины, о чем бы разговор ни шел – о промыслах, кочевках и проч.» [6, № 18, лл. 18, 24]. Но в наслеге Хорго на побережье Хатангского залива тональность записей резко меняется:

«С вступлением в наслег Хорго чувствуется перемена. Здесь уже настороженные к экспедиции якуты. Собственно, это только при вопросах об их национальности, они причисляют себя к якутам. По типу это помесь русских с якутами. Русская кровь заметна по лицу. Объяснение их полное, якутский язык стал родным. Быт – быт кочевника-оленевода. Сохранились обрывки русских обычаев. Обращает на себя внимание крепость в религии: очень часто видны на груди поверх одежды у женщин большие кресты» [6, № 18, л. 54]. Аналогичное размытие этнических границ Романов находил и в сопредельной Анабарской тундре:

«Тип лица у кочевника – русско-тунгусский, характер – тунгусский. Но при опросах для переписи населения он называл себя якутом, считая, очевидно, что если он говорит по-якутски, значит, он якут... Других национальностей не знает, по-русски говорить не умеет, – значит, ни русский, ни тунгус» [6, № 18, л. 95].

Эти архивные материалы вскрывают сложную картину межэтнических связей в тундре, где границы между группами носили не биологический, а языковой и поведенческий характер. В попигайской тайге фиксируется традиционный уклад, основанный на взаимном обмене и высоком социальном статусе женщины, активно участвовавшей в обсуждении вопросов общины.

В Хорго и Анабаре ситуация иная – здесь мы видим феномен полной культурной ассимиляции. Потомки смешанных браков с европеоидными чертами лица твердо считали себя якутами, поскольку именно этот язык стал единственным средством общения. Доминирующая лингвистическая среда поглотила другие компоненты, превратив этничность в языковой факт. При этом в быту сохранялся уникальный синкретизм: кочевое оленеводство уживалось с элементами русской культуры и глубоким православием. Такой парадокс доказывает условность административных границ, где живая языковая практика оказывалась сильнее генетической памяти.

Особенности жизни тундровиков – долган, нганасан, тунгусов и якутов – жестко зависели от ландшафта. Каждая из пяти природных зон на промысловой карте Романова диктовала свои правила, определяя тип жилища, одежду и весь календарный цикл кочевания. При этом экономика хозяйств к концу 1920-х годов уже плотно зависела от поставок с «материка». Направления кочевок и пастбища фактически подчинялись логике пушного промысла. Песец выступал главным эквивалентом в обмене на жизненно важные товары – муку, ткани и боеприпасы. Несмотря на формальное православие, в повседневной жизни охотников-оленеводов господствовал древний религиозный субстрат. Здесь стабильно сохранялись шаманизм, обряды кормления огня и строгая система табу. Ярким примером того, как архаичные запреты ломали планы официальных советских заготовителей, служит запись Романова в бассейне реки Анабар:

«Останавливался в уресе, где только что разрешилась от бремени женщина. Человек становится «нечистым» на месяц. Наблюдал случай, когда агент [Союзпушнины] остановился в одной из таких урас. Он спешно пробирался в Попигай.

Оказалось, что вследствие нечистоты ему нельзя было проезжать обычной дорогой, где имелись пасти-ловушки мужа этой женщины. «Иначе песец не будет ловиться». Ему пришлось огибать стороной растянувшийся на большое пространство пастник хозяина урасы. И вместо трех дней от Синей-Талаха до Попигая он проехал 22 дня» [6, № 12, л. 207].

Эта запись доказывает, что сакральные запреты («ании» – долг.) пронизывали всю хозяйственную деятельность. Пример с роженицей показывает, как мифологическое мышление доминировало над рациональной выгодой. Тот факт, что агент потратил на дорогу 22 дня вместо трех, чтобы не нанести ментальный ущерб промыслу хозяина урасы, подчеркивает абсолютный авторитет табу. Нарушение ритуальных границ воспринималось как прямая угроза охоте на песца.

Экономические стратегии были неразрывно вплетены в ткань религиозных верований, а смена сезонного ландшафта влекла за собой неизбежную перемену быта. Летние перекочевки в арктические тундры для защиты оленьих стад от гнуса сменялись зимним полустационарным циклом, подробности которого зафиксированы Романовым в бассейнах рек Арангастах и Сындасско в конце 1934 года.

Описание быта в урасе Атахчая на реке Арангастах (10 ноября 1934 г.) демонстрирует строгую регламентацию повседневных действий, где центральное место занимает чаепитие:

«В урасе Атахчая три семьи: его дети, сын с женой и невестка с ребенком. После умывания каждая семья садится за свои столики. Чайники стоят около печки. К чаю подается холодное мясо – остатки от вчерашнего ужина. Чай кирпичный, заварен густо. Кроме мяса на столе ничего нет (даже соли). Чаепитие сопровождается курением и длится полчаса. После утреннего чая женщины принялись за работу: кто шьет шкуры, кто – одежду и камусы. Около 12 часов на столиках вновь появляется чай. Пьют безо всего. Количество чашек, выпитых одним человеком, доходит до восьми. Пьется медленно. На чаепитие ушло минут 40–50. В 4 часа снова вскипает чайник, и чай также выпивается без всяких приправ. В 7 1/2 часов появляется ужин: полный котел мяса, пуда полтора. У каждого на тарелке лежит килограмма по два оленьего мяса.

В небольшой мисочке подается бульон. Мясо поедается почти все. Бульона пьют очень немного – 3–4 ложки. Мясо без соли и хлеба. После ужина – снова неизменный чай. Пьют, однако, значительно меньше, нежели утром. После чая сразу же ложатся спать. Хозяин заготавливает лучину для розжига дров на утро. Молодая чета задергивает занавеску, подвешенную к жердям урасы. Располагаются по периферии урасы непосредственно на земле, где лежат оленьи шкуры-постели. Стелятся две шкуры – мездра к мездре. Подушки у каждого. Одеяло у семейных общее. Вместе с родителями спят и маленькие дети до 5–6 лет. Одеяла главным образом заячьи, редко из песцового меха. Еще реже встречаются одеяла из волчьего меха и песцовых хвостов. Раздеваются до нижнего белья, дети – догола» [6, № 12, л. 168].

Схожая картина быта, но уже с акцентом на противостояние природным факторам, предстает в записях Романова от 27 декабря 1934 года, сделанных на реке Сындасско у корго-кюельских якутов и объякутившихся русских:

«Ураса тундрового типа, ставится низко. В урасе пол земляной. Около постелей по периферии разбросаны по 2–3 доски, чтобы, сидя на постели, положить на них ноги; при ходьбе в урасе стараются ходить по этим доскам. Вокруг железной печи набросаны мелко порубленные дрова. Дрова здесь зимой преимущественно плавниковые с Хатангского залива. Несмотря на выбор, дрова все же сырые и при топке в урасах сильно дымят. Урасы киенг-кюельцев обычно закопченные. Недостаток плавника и трудность его доставки в тундру вынуждает жителей экономить топливо. Поэтому в тундровых стойбищах в урасах холодно. Топят преимущественно во время приготовления пищи и чая. Отсутствие завоза свечей (обычно жгут жирники): в ковш кладется олений жир и скрученная фитилем тряпица. Недостаток оленьего жира заставляет экономить свет. Кроме того, свет от жирника слабее, нежели от одной свечи. Работать трудно, пока урасу не будет освещать свет сверху – через отверстие урасы...» [6, № 12, л. 75].

Приведенные архивные записи позволяют реконструировать повседневный уклад кочевого населения. Внутреннее пространство урасы предстает как жестко регламентированная среда, где дислокация трех семей отражает внутреннюю иерархию и предельную адаптацию к дефициту ресурсов. Распорядок дня обитателей демонстрирует неизменную цикличность, где доминирующим ритуалом является многократное чаепитие, задающее ритм дня и выполняющее важную социальную функцию. Примечательно, что рацион питания, состоящий почти исключительно из оленьего мяса без соли и хлеба, подчеркивает автономность кочевой культуры жизнеобеспечения.

Экономия ресурсов пронизывала весь быт. Постоянный дефицит дров и оленьего жира заставлял кочевников жить в холоде и полумраке, ограничивая активную деятельность световым днем. Простой жирник из оленьего сала вместо дефицитных свечей стал символом этого вынужденного минимализма. В таких условиях бережное отношение к теплу и заготовка утренней лучины превращались в ключевые навыки выживания. Архивные материалы Романова рисуют облик культуры, находившейся в хрупком равновесии с природой, где социальная структура и традиции взаимопомощи арктических кочевников заменяли привычные понятия бытового уюта.

С наступлением осени оленеводы уходили на юг, в зону лесотундры, дававшую дрова и защиту от ветра. Именно здесь распространился балок – уникальный тип мобильного жилища на широких полозьях, оснащенный железной печкой.

«Очень любопытно бывает смотреть на поезд в тундре с балком, из трубы которого вьется дымок. Безбрежное пространство тундры напоминает собой море, а балок можно уподобить движущемуся пароходу», – писал в дневнике Романов [6, № 11, л. 339].

Эта метафора отлично передает мобильность как основу кочевого образа жизни. Устройство балка отражает предельную оптимизацию тесного пространства:

«В момент моего прихода в нем сидело пять человек. Они сидят на кровати, устроенной у задней стенки балка. Печь установлена слева, перед кроватью. Против входной двери столик» [6, № 11, л. 169].

На стоянках полозья балка прикапывали снегом для тепла, и в этом замкнутом пространстве женщины шили зимнюю одежду из шкур, создавая свой автономный очаг посреди снежной пустыни.

Совершенно иной уклад диктовали горно-каменистые тундры. Каменистые почвы без ягеля делали их непригодными для больших стад. Сюда шли лишь небольшие группы охотников на дикого оленя. Специфика среды заставляла их отказаться от нарт в пользу вьючного оленеводства и максимально упростить быт до ночевки прямо на шкурах.

В то же время долины крупных рек (Хатанги, Анабара, Оленека и Лены) формировали полуоседлый образ жизни. Стабильный рыболовный промысел кормил людей круглый год. Летом на берегах ставили балаганы или юрты, заготавливая юколу – вяленую рыбу для людей и собак. Речные долины также становились местом сезонного сбора родов во время переправ мигрирующего дикого оленя, когда шла массовая заготовка мяса в естественных мерзлотных ледниках.

Таким образом, ландшафтное разнообразие края обуславливало многообразие адаптационных моделей общин, полностью согласованных с природными циклами. Реки давали возможность заниматься рыболовством, каменистая почва – пешей охотой, а тундрово-лесная зона – классическим кочеванием. Совместный труд (охота на переправах, лов рыбы в путину) укреплял социальные связи, где взаимопомощь выступала единственным способом выжить. Старшее поколение передавало молодежи не только навыки выделки камусов, но и сакральные знания – опыт чтения следов в зимней тундре и предсказания погоды по поведению птиц и состоянию льда.

К первой трети XX века внешние факторы (торговля через фактории, влияние административных центров) начали проникать вглубь региона, но традиционный уклад демонстрировал высокую стойкость. Включение в товарные отношения через пушной промысел не разрушило автохтонную связь с ландшафтом. Железные печи или покупные ткани органично вписывались в бытовую культуру, облегчая жизнь, но не меняя сути кочевничества.

Эта многовековая инерция была прервана в 1930-е годы в ходе активного государственного участия. В этот период арктический регион превратился из изолированной окраины в важный ресурсный узел советской мобилизационной экономики. Переход от индивидуального промысла к плановой заготовке пушнины стал инструментом принудительной ломки уклада: опекающая политика государства была направлена на административное внедрение оседлости с целью сделать кочевое население управляющим участником советского строительства. Именно в это десятилетие традиционная система столкнулась с сильнейшим давлением, кардинально изменившим характер взаимодействия человека с арктической средой.

Роль песцового промысла в развитии Лено-Хатангского края в 1930-е годы.

В предвоенное десятилетие пушной промысел в Лено-Хатангском крае приобрел стратегическое значение. В условиях форсированной индустриализации стране остро требовалась иностранная валюта для закупки зарубежного оборудования. Песцовые шкурки, ценившиеся на мировом рынке как «мягкое золото», стали одним из главных экспортных товаров, обеспечивавших приток капитала для модернизации промышленности.

С точки зрения аграрной истории Заполярья, добыча песка послужила катализатором радикальной перестройки всего традиционного природопользования. Вокруг промысловых участков формировалась принципиально новая инфраструктура. Опорные базы заготовителей и фабрики постепенно превращались в стационарные центры социально-экономической жизни – поселки с радиостанциями, медицинскими пунктами и школами. Развитие промысла требовало регулярной логистики, что стимулировало навигационное освоение трассы Северного морского пути и развитие полярной авиации для завоза продовольствия и вывоза пушнины. Параллельно старые общественные порядки и привычные институты начали постепенно разрушаться. Государство планомерно вовлекало коренные народы в орбиту принудительной коллективизации. Создание артелей под эгидой треста «Союзпушнина» или Главсевморпути означало включение северного промысла в жесткую плановую экономику. Фигура автономного охотника-кочевника замещалась статусом «государственного промысловика», чья деятельность регламентировалась производственными планами, а не только сезонными биоклиматическими циклами. Такая интеграция не просто обеспечивала снабжение региона, но и закрепляла геополитическое присутствие советского государства в Арктике. Однако эта мобилизационная стратегия имела очевидные издержки. Советская аграрная политика того времени, ориентированная на экстенсивное наращивание объемов добычи, вступала в противоречие с экологическим балансом региона. Завышенные планы приводили к истощению природных ресурсов, а директивный перевод на оседлость разрушал традиционные системы жизнеобеспечения коренных народов. Это нередко оборачивалось скрытыми социальными конфликтами и упадком привычных форм хозяйствования. В историческом анализе песок для экономики Лено-Хатангского края 1930-х годов являлся ключевым ресурсом, сопоставимым по своей значимости с современными углеводородными энергоносителями. История пушного промысла служит примером масштабного государственного эксперимента по трансформации традиционного аграрно-промыслового уклада, зафиксировавшего включение арктических территорий в единую плановую экономику страны.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ "Промыслово-биологической карты Лено-Хатангского края" А.А. Романова позволяет сделать вывод, что этот документ зафиксировал уникальный переходный этап одновременного сосуществования двух хозяйственных систем – традиционной кочевой и ранней советской планово-колхозной. Карта являлась действенным инструментом идеологического освоения Севера, рассматривающим природу Заполярья исключительно сквозь призму утилитарной полезности для государства. Несмотря на отсутствие на карте прямой колхозной маркировки, ее создание в стенах Института полярного земледелия являлось научно-методическим обеспечением коллективизации.

Она выступала основой пространственного планирования, обосновавшей переход кочевых хозяйств к оседлости, организацию комплексных промысловых бригад и жесткую регламентацию изъятия биологических ресурсов тундры.

Экологическая карта, отражающая масштабы воздействия человека на фауну региона к 1941 году, позволяет оценить отдаленные результаты советской промысловой политики. Работа А. А. Романова наглядно показывает, как традиционное природопользование трансформировалось в плановую экономическую модель, где государство оставило за собой централизованное управление пушным промыслом и оленеводством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архив Музея антропологии и этнографии РАН. Отчет Хатангской экспедиции Красноярского Управзема за 1934-35 гг. К-II. Оп. 1. Номер 52.

Донской Ф.С. Проблемы возрождения малочисленных этносов Севера. Знание на службу нуждам Севера: Тез. докл. Якутск. 1996, С. 125-126.

Дьяченко В.И. Охотники высоких широт. Долганы и северные якуты. СПб.: Европейский Дом, 2005. 272 с.

Дьяченко В.И. Попигаийские долганы: последние кочевники высоких широт. Летопись природы. Государственный природный биосферный заповедник "Таймырский". Хатанга, 2009. Кн. 24. С. 405-435.

Кошелев М.П. Проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса в районах проживания народностей Севера. Социально-экономические проблемы развития районов Севера. Вып. 2, 1998. С. 106-110.

Мангнатаева Д.Д. Традиционное хозяйствование как основа возрождения коренных народов Севера. Знание на службу нуждам Севера: Тез. докл. Якутск, 1996. С. 140.

Мухачев А. Д., Макушев Ю.Е., Яковлев В.Н. Экстерьерно-конституциональные особенности северных оленей Эвенкии. Новосибирск, 1975, Т. 21. С. 19-21.

Поликарпов В., Барадиев Б. Зимний нагул оленей. Якутск, 1967. Номер 3. С. 32.

Преображенский Б.В. О возрасте наивысшей продуктивности самок северного оленя. Магадан, 1959. Вып. 3. С. 31-34.

Романов А.А. Описание карты Ленско-Хатангского края: по материалам Якут. экспедиции акад. наук СССР. Материалы по изучению Арктики. Б.м.: Изд. Всесоюз. Аркт. ин-та; СОПС АН СССР, 1933. Номер 3. С. 166 - 184.

Романов А.А. Пушные звери Лено-Хатангского края и их промысел. Труды научно-исследовательского Института полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства. Л. М.: Изд-во ГУСМП (Главсевморпути), 1941. 140 с.

Румянцев В.В. Особенности использования зимних пастбищ чукотским оленем (харгин) в условиях Якутии. Якутск: Кн. изд-во, 1976.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 735. Оп. 1. Номера 11, 12, 18, 22.

Соколов С.Е., Глушнев М.П. Организация пастбы оленей в таежной зоне. Красноярск, 1952. Номер 5. С. 53-55.

Устинов В.И., Зайцева Р.К. Изгородное содержание оленей в Магаданской области. Новосибирск, 1981. Вып. 19. С. 18-20.

Чарнолуцкий В.В. Оленья изгородь. М.: Сельхозгиз, 1931. 47 с.

THE HUNTING AND TRAPPING MAP AS A TOOL OF BALANCE: HUNTER-HERDERS AND THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE ARCTIC IN THE LATE 1930-S

Dyachenko, Vladimir Ivanovich¹

¹Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia,
E-mail: vid@kunstkamera.ru

Abstract

This article analyzes the "Commercial-Biological Map of the Lena-Khatanga Region," compiled by biologist A.A. Romanov in 1939. For the pre-war era, this document is more than just a zoological chart; it is direct evidence of how the traditional way of life of Arctic hunters and reindeer herders was disrupted and forced to adapt to the new regime. The article attempts to illustrate the shift in Moscow's attitude toward the North: the Arctic was transforming from a "silent, icy wasteland" into a valuable resource asset. Scientific work here was driven by strict practical objectives. Romanov succeeded in translating biological observations of Arctic and red foxes into economic terms - calculating the volume of fur that could be harvested to generate foreign currency and supply polar stations. The map clearly delineated the boundaries for future hunting cooperatives and trading posts, thereby legitimizing the state's presence in the tundra. In essence, the map represents a visual blueprint for the pre-war mobilization economy, aimed at reducing the northern frontier's reliance on shipments of scarce goods (such as flour, tea, and gunpowder) from the "mainland." This document vividly illustrates the Stalinist strategy of "development through exploitation," which shaped the destiny of the Soviet Arctic.

Keywords: history, North, colonization, economy, cartography, science.

REFERENCE LIST

Arhiv Muzeya antropologii i etnografii RAN. Otchet Hatangskoj ekspedicii Krasnoyarskogo Upravzema za 1934-35 gg. K-II. Op. 1. Nomer 52.

Donskoj F.S. Problemy vozrozhdeniya malochislennyh etnosov Severa. Znanie na sluzhbu nuzhdam Severa: Tez.dokl. YAkutsk. 1996, S. 125-126.

D'yachenko V.I. Ohotniki vysokih shirot. Dolgany i severnye yakuty. SPb.: Evropejskij Dom, 2005. 272 s.

D'yachenko V.I. Popigajskie dolgany: poslednie kochevniki vysokih shirot. Letopis' prirody. Gosudarstvennyj prirodnyj biosfernyj zapovednik "Tajmyrskij". Hatanga, 2009. Kn. 24. S. 405-435.

Koshelev M.P. Problemy i perspektivy razvitiya agropromyshlennogo kompleksa v rajonah prozhivaniya narodnostej Severa. Social'no-ekonomicheskie problemy razvitiya rajonov Severa. Vyp. 2, 1998. S. 106-110.

Mangnataeva D.D. Tradicionnoe hozyajstvovanie kak osnova vozrozhdeniya korennyh narodov Severa. Znanie na sluzhbu nuzhdam Severa: Tez. dokl. YAkutsk, 1996. S. 140.

Muhachev A. D., Makushev YU.E., YAKovlev V.N. Ekster'erno-konstitucional'nye osobennosti severnyh oleney Evenkii. Novosibirsk, 1975, T. 21. S. 19-21.

Polikarpov V., Baradiev B. Zimnij nagul oleney. YAkutsk, 1967. Nomer 3. S. 32.

Preobrazhenskij B.V. O vozraste naivyssej produktivnosti samok severnogo olenya. Magadan, 1959. Vyp. 3. S. 31-34.

Romanov A.A. Opisanie karty Lensko-Hatangskogo kraya: po materialam YAkut. ekspedicii akad. nauk SSSR. Materialy po izucheniyu Arktiki. B.m.: Izd. Vsesoyuz. Arkt. in-ta; SOPS AN SSSR, 1933. Nomer 3. S. 166 - 184.

Romanov A.A. Pushnye zveri Leno-Hatangskogo kraya i ih promysel. Trudy nauchno-issledovatel'skogo Instituta polyarnogo zemledeliya, zhivotnovodstva i promyslovogo hozyajstva. L. M.: Izd-vo GUSMP (Glavsevmorputi), 1941. 140 s.

Rumyancev V.V. Osobennosti ispol'zovaniya zimnih pastbishch chukotskim olenem (hargin) v usloviyah YAkutii. YAkutsk: Kn. izd-vo, 1976.

Sankt-Peterburgskij filial Arhiva RAN. F. 735. Op. 1. Nomera 11, 12, 18, 22.

Sokolov S.E., Glushnev M.P. Organizaciya past'by oleney v taezhnoj zone. Krasnoyarsk, 1952. Nomer 5. S. 53-55.

Ustinov V.I., Zajceva R.K. Izgorodnoe sodержanie oleney v Magadanskoj oblasti. Novosibirsk, 1981. Vyp. 19. S. 18-20.

Charnolusskij V.V. Olen'ya izgorod'. M.: Sel'hozgiz, 1931. 47 s.